

RUSSIAN A1 – HIGHER LEVEL – PAPER 1
RUSSE A1 – NIVEAU SUPÉRIEUR – ÉPREUVE 1
RUSO A1 – NIVEL SUPERIOR – PRUEBA 1

Thursday 13 May 2010 (afternoon)
Jeudi 13 mai 2010 (après-midi)
Jueves 13 de mayo de 2010 (tarde)

2 hours / 2 heures / 2 horas

INSTRUCTIONS TO CANDIDATES

- Do not open this examination paper until instructed to do so.
- Write a commentary on one passage only.

INSTRUCTIONS DESTINÉES AUX CANDIDATS

- N'ouvrez pas cette épreuve avant d'y être autorisé(e).
- Rédigez un commentaire sur un seul des passages.

INSTRUCCIONES PARA LOS ALUMNOS

- No abra esta prueba hasta que se lo autoricen.
- Escriba un comentario sobre un solo fragmento.

Прокомментируйте один из текстов:

1.

– Цецильхен дура! Ужасная!

Конечно, мне так говорить о взрослых не следовало бы... Но фрейлейн Цецильхен, немка, живущая у нас и обучающая меня немецкому языку, в самом деле очень глупая. Вот уже полгода, как она приехала к нам из Кенигсберга; за это время я выучилась бойко сыпать по-немецки и даже читать, а Цецильхен все еще не знает самых простых русских слов: “хлеб”, “вода”, “к черту”. В своей вязаной пелерине Цецильхен очень похожа на соседского пуделька, которого водят гулять в пальтишке с карманчиком и с помпончиками. Цецильхен только не лаает, как он. У Цецильхен безмятежные голубые глаза, как у куклы, и кудрявая белокурая головка. Кудри делаются с вечера: смоченные волосы накручиваются перед сном на полоски газетной бумаги. Дело нехитрое – так раскудривить можно кого угодно, хоть бабушку мою, хоть дворника Матвея, даже бахрому диванной подушки.

Разговаривать с Цецильхен скучно, она ничего интересного не знает! О чем ее ни спроси, она только беспомощно разводит пухлыми розовыми ручками: “Ах, боже в небе! Откуда же я должна знать такое?”

А я вот именно обожаю задавать вопросы! Папа мой говорит, что вопросы созревают в моей голове, как крыжовник на кусте. Обязательно ли все люди умирают или не обязательно? Почему зимой нет мух? Что такое громоотвод? Кто сильнее – лев или кит? Вафли делают в Африке, да? Так почему же их называют “вафли”, а не “ваффри”? Кто такая Брамапутра – хорошая она или плохая? Зачем людям “прибивают” оспу?

Только один человек умеет ответить на все мои вопросы или объяснить, почему тот или другой из них “дурацкий”. Это папа. К сожалению, у папы для меня почти нет времени. Он врач. То он торопится к больному или в госпиталь, то он сейчас только вернулся оттуда – очень усталый...

Вот и сегодня, в воскресенье, рано утром папа приехал домой такой измученный – сделал трудную операцию, провел при больном бессонную ночь, – что мама нарезает ему завтрак на кусочки: у папы от усталости не слушаются руки.

Позавтракав, папа ложится поспать в столовой на диване, укрывшись старой енотовой шубой. Все в доме ходят на цыпочках и говорят шепотом, даже горластая Юзефа – моя старая няня, ставшая кухаркой после водворения у нас фрейлейн Цецильхен. Юзефа сидит на кухне, чистит кастрюлю и ворчит на той смеси русского языка с белорусским и польским, на какой говорит большинство населения нашего края:

– Другий доктор за такую працу (работу) в золотых подштанниках ходил бы!

В кухне сидит полотер Рафал, очень осведомленная личность с огромными связями во всех слоях общества. Даже Юзефа считается с мнением Рафала! И он тоже подтверждает, что да, за такую работу – “Я же вижу! Господи Иисусе, и когда только он спит?” – другой доктор на золоте ел бы!

Александра Яковлевна Бруштейн, *Дорога уходит в даль...* (1955)

2.

Уходит светлый Май. Мой небосклон темнеет.
Пять быстрых лет пройдет, – мне минет тридцать лет.
Замолкнут соловьи, и холодом повеет,
И ясных вешних дней навек угаснет свет.

5 И в свой черед придут дни, полные скитаний,
Дни, полные тоски, сомнений и борьбы,
Когда занает грудь под тяжестью страданий,
Когда познаю гнет властительной Судьбы.

И что мне жизнь сулит? К какой отраде манит?
10 Быть может, даст любовь и счастье? О, нет!
Она во всем солжет, она во всем обманет,
И поведет меня путем тернистых бед.

И тем путем идя, быть может, падать стану,
Утрачу всех друзей, моей душе родных,
15 И, – что всего страшней, – быть может, перестану
Я верить в честь свою и в правду слов своих.

Пусть так. Но я пойду вперед без колебания –
И в знойный день, и в ночь, и в холод, и в грозу:
Хочу я усладить хоть чье-нибудь страданье,
20 Хочу я отереть хотя одну слезу!

Бальмонт Константин Дмитриевич, *Под северным небом* (1894)
